

Тем временем на другом конце Лондона.

Кролла вернулась в частную резиденцию семьи Тревельфит.

Если уж подбирать какое-то слово для описания этого особняка, то определение «сдержанная роскошь» вряд ли подойдёт — ведь сдержанности в нём не было ни капли.

Но и показным в духе «посмотрите, как я бочат» оно тоже не выглядело. Скорее, от него веяло таким беспечным, небрежным шиком, мол: «Я, конечно, богат, но разве об этом стоит говорить?».

Поместье располагалось на окраине Лондона, прячась за лесной полосой, которую маглы считали «частным владением и посторонним вход воспрещён».

Сад был засажен французскими розами, аккуратно подстриженными, и каждый бутон распускался именно там, где ему положено.

Белые каменные галереи с резными колоннами змейками расходились по саду. На колоннах был высечен родовой герб семьи Тревельфит — феникс, держащий в клюве ножницы.

За этим странным символом скрывалась ещё более странная история: поговаривали, что основатель рода Тревельфит в своё время разбогател на пошиве нижнего белья для французского короля-волшебника.

Разумеется, каждый член семьи яростно отрицал эту легенду.

Но Кролла в детстве случайно подслушала разговор бабушки со старой подругой и с тех пор свято верила, что это чистая правда.

Внутри всё было обставлено вековыми антикварными вещами и первоклассными волшебными предметами роскоши.

Хрустальная люстра являлась творением французских мастеров-гоблинов XVII века, полы были выложены из итальянского белого каррарского мрамора, а на каждой балясине лестничных перилл красовались резные фигурки различных магических существ — от нюхлей до драконов, причём ни одно из них не повторялось.

В гостиной уютно горел мягкий золотистый свет.

Старшая госпожа сидела на бархатном диване, пролистывая каталог новых образцов ткани от Мантий от Тилда и Лоу.

На ней было тёмно-зелёное бархатное платье, а серебристо-белые волосы были искусно уложены в элегантный пучок, который украшала шпилька из чёрного нефрита — эта заколка была старше самого отца Кроллы.

Она перелистывала страницы неспешно, не суетясь; за свою долгую жизнь она повидала столько тканей, что её уже ничто не могло удивить.

Но, услышав у порога шаги, она оживилась, и её глаза засияли.

— А вот и моя Кролли вернулась.

Кролла прислонила футляр с бас-гитарой к подставке для зонтов в приёмной — там уже стояли три зонта, трость и неизвестно кем оставленный квиддичный телескоп.

Она переоделась в домашнее платье, машинально сдернула с вешалки в прихожей мягкий шелковый халат и набросила его поверх, после чего босиком зашагала по мраморному полу, шаг за шагом направляясь в гостиную.

Пол был холодным, но это не имело значения.

Каждый уголок этого дома она уже бесчисленные разы исходила босиком: с самого детства, когда её ножки были ещё слишком малы, чтобы уверенно доставать до пола, и до сегодняшнего дня.

— Бабушка, — позвала она, и в её голосе проскользнула такая мягкая, ленивая нежность, какая никогда не проявилась бы за пределами дома, словно сладко потягивающаяся кошка.

Она подошла ближе, уселась рядом с бабушкой и доверчиво прижалась всем телом к её плечу.

Бабушка отложила каталог и мягко провела рукой по её прядям.

— Наша Кролли и впрямь всё хорошеет, — произнесла она.

Кролла тихонько хмыкнула и пот-рилась лицом о бабушкино плечо.

Её волосы растрепались, а бабушкин пучок от этого чуть-чуть перекосился.

— Была сегодня на маггловском рынке? — поинтересовалась бабушка.

— Угу.

— Раздобыла что-нибудь интересное?

— ...Тройку пластинок.

— Неплохо, — заметила бабушка.

Кролла улыбнулась и приподняла голову с бабушкиного плеча.

Её взгляд упал на стопку образцов ткани на подлокотнике дивана — самый верхний кусок был серебристо-зелёным, плотным, с тонким плетением, и приятно оттягивал руку своей тяжестью.

Она взяла этот отрез и потёрла его кончиками пальцев.

— Бабушка, у этой драконьей парчи фактурный узор стал на треть плотнее, — заметила она. — Ткань слишком тяжёлая, если сшить платье, будет казаться, что надела латы.

— А ты неплохо разбираешься, — бабушка шутливо укоризненно покосилась на неё.

— Если в этом году в Хогвартсе парадные мантия сошьют из такой ткани, эти юные волшебники устроят всеобщую забастовку.

— Это специальный дипломатический заказ для Дурмстранга, — бабушка забрала ткань из её рук, аккуратно сложила и отложила в сторону. — Им нравится основательность и солидность.

Кролла пренебрежительно скривила губы.

Она подтянула ноги, устроившись на диване с ногами, положила подбородок на колени и уставилась на огонь в камине.

— Как тебе сиделось в Шармбатоне? — спросила бабушка.

Кролла издала звук, средний между вздохом и недовольным фырканьем.

— Чуть не умерла со скуки.

Бабушка улыбнулась её словам — смех вышел тихим, но искренним, похожим на перезвон серебряных колокольчиков на ветру.

— Когда мы отправляли тебя в Шармбатон, — заговорила она, — то рассчитывали привить тебе изысканные манеры и понимание прекрасного, свойственные французскому стилю.

Мы с директрисой Шармбатона старые знакомые, и я надеялась, что ты как следует освоишь аристократический этикет, моду и музыкальное искусство.

И это была чистая правда.

В юности семья отправила Кролла в Шармбатон исключительно ради воспитания в традициях истинной чистокровной леди: её учили хорошим манерам, эстетике, классической магии и светскому этикету.

Вся школа состояла сплошь из нежных, послушных и чтущих правила барышень.

Ежедневные уроки чайной церемонии, флористики и придворных танцев были по-своему утончёнными, но до безумия скучными и косными.

Однажды на уроке этикета Кролла нарочно делала каждый шаг на слабую долю, едва не доведя преподавательницу до желания разорвать её табель с оценками.

А в другой раз на торжественном ужине она выстучала вилкой по бокалу короткий ритмичный мотив, за что была наказана переписыванием от корки до корки целого тома Правил поведения за столом французской аристократии.

— Я же знаю, что тебе там было не по душе, — голос бабушки прозвучал сверху — мягкий и уверенный. — Там слишком помешаны на благопристойности и изяществе, кругом одни рамки и запреты, которые напрочь сковывают твой норов.

Кролла ничего не ответила. Она лишь снова уткнулась лицом в бабушкино плечо.

С другого конца гостиной послышались шаги. Из коридора появилась мама Кроллы в нежно-розовом домашнем халате, с распущенными волосами и чашкой горячего чая в руке.

Следом за ней шёл отец Кроллы в тёмно-синем кашемировом свитере, держа в руках свежий выпуск Ежедневного пророка, края которого уже заметно истрепались от долгого чтения.

— Снова балуешься у бабушки на коленях? — с улыбкой произнесла мама, присаживаясь в соседнее кресло.

— Ничего подобного, — раздался приглушенный голос Кроллы из-за бабушкиного плеча. — Я докладываю бабушке о проделанной работе.

— И о какой же работе?

— О добыче трёх новых пластинок.

Мама переглянулась с бабушкой.

Бабушка ответила мамой взглядом. Они обменялись понимающими выражениями глаз, словно говоря: «ну и ребёнок», после чего одновременно рассмеялись.

Отец Кроллы отложил газету и поправил очки.

Он делал это медленно и сосредоточенно, будто выполнял задачу высочайшей важности.

— Кролла, — обратился он к ней, — тут есть один вопрос, который мы хотели с тобой обсудить.

— Мм?

— Из Шармбатона пришло письмо, — продолжил он. — Для старших классов организуют поездку на целый год в закрытую учебную экспедицию по Северной Европе, начиная с сентября. Правила там будут ещё строже, чем в школе, говорят, даже выходные в город придётся согласовывать.

Кролла приподняла голову с бабушкиного плеча.

— Целый год? — переспросила она.

— Целый год.

— И нельзя вернуться в Лондон?

— Разве что на рождественские каникулы, но это ещё не точно.

Кролла снова посмотрела на огонь в камине.

— Я не поеду туда, — произнесла она.

Она сказала это ровным тоном — без капли каприза или упрямства, не так, будто принимает судьбоносное решение.

Она просто констатировала факт — точно так же, как если бы сказала: «сегодня идет дождь» или «этот круассан остыл». Здесь не требовалось никаких доказательств или споров, это было непреложной истиной.

Мама и папа снова переглянулись.

— Мы знаем, что тебе не нравился Шармбатон, — заметила мама. — Там слишком душно и зажато, это не для тебя.

— Но мы не хотим, чтобы ты просто бросила учебу, — добавил отец. — Тебе всё равно нужно где-то учиться.

В гостиной на несколько секунд воцарилась тишина. В камине треснуло полено. За окном дважды прокричала ночная птица и тоже умолкла.

Внезапно подала голос бабушка.

— А как насчёт Хогwartса?

Все взгляды тотчас обратились к ней.

Бабушка неторопливо сделала глоток из чашки на столике, поставила её обратно, и фарфор издал звонкий стук о блюдце.

— Хогwartс куда свободнее и живее Шармбатона, — проговорила она так непринужденно, будто оценивала качество ткани. — Там нет такого количества предрассудков и условностей. Занимайся музыкой, ходи по рынкам, живи в своё удовольствие — никто тебе слова не скажет. А по выходным сможешь в любой момент возвращаться в поместье.

Кролла посмотрела на бабушку.

Бабушка смотрела на неё, и в её глазах бился лукавый огонек.

— Подай заявку на перевод в шестой класс Хогwartса, — предложила бабушка. — Что скажешь?

Кролла ничего не ответила.

Но уголки её губ медленно поползли вверх.

<http://bllate.org/book/22381/2348027>